

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

**РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

представляет

**БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА БОРИСА АКУНИНА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

Русь изначальная
Русь Великая

ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Евпраксия
Ярослав Мудрый

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ

Голубь над Понтом

ВЕРА ПАНОВА

Сказание об Ольге

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

Вещий Олег
Владимир Красное Солнышко

ВАСИЛИЙ ЯН

Чингисхан
Батый

ИСАЙ КАЛАШНИКОВ

Жестокий век

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ

Иван III — государь всея Руси

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ

Ратоборцы

ДМИТРИЙ БАЛАШОВ

Куликово поле
Степной закат

А.К. ТОЛСТОЙ

Князь Серебряный
Драматические произведения

ЛЕВ ЖДАНОВ

Царь Иоанн Грозный

АЛЕКСЕЙ ЧАПЫГИН

Гулящие люди

АНАТОЛИЙ БРУСНИКИН

Девятный Спас

ВСЕВОЛОД СОЛОВЬЕВ

Царь-девица

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

**ВСЕВОЛОД
СОЛОВЬЕВ**

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года*

Серийное оформление — *Андрей Фerez*

Дизайн переплета — *Константин Парсадзян*

Соловьев, Всеволод Сергеевич.

С60 Царь-девица : [роман] / Всеволод Соловьев. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-106599-7

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Роман «Царь-девица» Всеволода Соловьева — известного писателя, автора ряда замечательных исторических романов, сына русского историка Сергея Соловьева и старшего брата религиозного мыслителя, поэта и мистика Владимира Соловьева, — посвящен последним дням правления царицы Софьи и трагической судьбе ее фаворита князя Василия Голицына. В центре повествования трагические события, происходившие в Москве в период восшествия на престол Петра Первого: борьба за власть между членами царской семьи и их родственниками, смута, стрельечские бунты, противоборство между приверженцами Никона и Аввакума.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106599-7

© В. Akunin, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

I

А эта тысяча шестьсот восемьдесят второго, Великим постом, в доме суздальского дворянина Перхулова случилось очень странное происшествие, поднявшее на ноги не только перхуловскую дворню, но и всех городских обывателей: сбежала и неведомо куда скрылась семнадцатилетняя девушка, Люба Кадашева, жившая у Перхулова уже три года.

Эта Люба и сама была из дворянского рода, только сирота круглая, и жила она у Перхулова по записи.

Приехал три года тому назад в Суздаль старый перхуловский знакомец, Кузьма Кашников, и стал спрашивать Перхулова, не возьмет-ли он к себе на дом его свояченицу девочку: «у самих-де с женою Марьичей достатки небольшие, своих малолетних детей четверо, так тяжело содержать в доме лишнего человека».

Перхулов согласился, и тут же была составлена такая запись: «Я, Кузьма Кашников, и жена моя отдали: я свою свояченицу, а она свою сестру, — девицу Любу, Ивану Онуфриевичу Перхулову, жить во дворе его до возраста, а как она будет на возрасте и ему дать ей приданого по силе и выдать замуж за вольного че-

ловека, или за кого она похочет, а живя, ей слушать и почитать и всякую работу работать домашнюю, вести себя хорошо, а ему ее кормить, одевать и обувать».

Покончив это дело, Кантиков уехал в свою небольшую вотчину, тут же неподалеку, а через неделю вернулся со свояченицей.

Любе тогда было лет около четырнадцати. Перхуловым она понравилась. Только заметили они в ней что-то странное: в ее взгляде не было робости, свойственной ее полу и положению. Глядела она всем прямо в глаза, а при прощании с зятем выказала большую холодность: не плакала и не причитала, не посылала поклонов сестрице своей Марьице, как должна была делать, если и не по чувству, то хотя бы из приличия.

— Плохо, видно, вы с женой ее учили! — заметил Иван Онуфриевич Кашникову и, не получив от него никакого ответа, приказал отвести Любу на женскую половину к своим дочерям, да сейчас же и позабыл о ней думать...

Иван Онуфриевич Перхулов в прежнее время жил в Москве, служил и даже пошел было в гору при дворе великого государя царя Алексея Михайловича. Но нашлись у него враги посильнее его, теснить стали, наговаривать — и неожиданно-негаданно пришла царская немилость: велено Перхулову с семейством выехать из Москвы в город Суздаль.

Долго не мог примириться Иван Онуфриевич со своей судьбой, пробовал и то, и другое, и третье, писал челобитные, старался так или иначе зацепить своих лиходеев, да ничего не помогло: в Москве о нем забыли — невелика птица! Поневоле пришлось успокоиться и, оставшись не у дел, заняться домашним обихо-

Иван Онуфриевич плетку возьмет, стегнет разок-другой ради порядку, да потом и обლობызает троекратно Афимью Лукьяновну. «Так-то вот, жена, вперед смотри — не оплошай, не то и впрямь поучу хорошенько; на сей раз, Бог с тобой, прощаю!»

Хозяйство Афимья Лукьяновна вела рачительно; многочисленную свою прислугу женскую держала в повиновении, не утруждала мужа напрасными жалобами и доводила до его сведения о беспорядках только тогда, когда случалось что-нибудь уж очень неладное.

И все в доме было тихо да гладко. За семь лет жизни Перхуловых в Суздале не произошло у них ничего дурного. Раз только стряслась была беда. Один из холопей больно что-то провинился перед Иваном Онуфриевичем, и тот, не сдержав своего сердца, чересчур поучил его: вопреки Домострою поучил и в ухо, и в видение, и в голову, и куда попало.

Холоп, несмотря на страшные побои, весь в крови выбежал за ворота и начал кричать таким отчаянным голосом, что сбежалось немало народу. А он все кричал, всем показывал свой вытекший глаз и разбитую голову, все что-то грозился и поносил своего господина, пока, наконец, кровь не хлынула у него из горла и он не упал.

Люди Ивана Онуфриевича подобрали его и сволокли назад в избу. Говорили в городе, что на другой день этот холоп помер, но, конечно, никому в голову не могло прийти очень осуждать Ивана Онуфриевича и изменять о нем доброе мнение. Правда, не след было человека живота лишить, да ведь сотворилось все это ненароком, и такое дело со всяким может случиться...

II

Доля девочки-сиротки, Любы Кадашевой, попавшей в дом Перхулова, с детства была незавидная. Почти первым ее детским впечатлением был ужас.

Ей не минуло еще и десяти лет, как над семейством Кадашевых стряслось страшное несчастье. Жили они в своей вотчине, никому не мешали. Отец был человек смиренный, безобидный; не поладил он только с приказчиком соседнего большого имения, принадлежавшего боярину Окуневу.

Приказчик то и дело чинил Кадашеву всякие обиды, в раззор разорял его. Кадашев терпел, терпел да и послал, наконец, жалобу боярину Онуеву.

Жалоба до боярина не дошла — приказчик как-то о ней проведал, захватил кадашевского посланца и освирепел. Собрал он людей немало, чуть не целую сотню, да пьяный и нагрянул к Кадашеву. В усадьбе поднялся вопль: женщины бегали, кричали, как полумные, а пьяный приказчик со своими людьми разогнал всю мужскую прислугу, разбил дом, поломал все, что попадалось под руку, забрал ценные пожитки.

Не стерпел Кадашев — кинулся с десятком верных холопей на своего душегубца.

Поднялась драка. Окуневские люди были вооружены разным дреколием и топорами, да и пьяны к тому же: рассекли они Кадашеву голову, так что тот упал замертво, да заодно уж и жену его уложили.

Старая нянька спряталась с маленькой Любой в подвале в пустой бочке — тем только и спаслись.

Потом, как разбойники, вконец разорив усадьбу и оставив в ней несколько трупов, убрались восвояси,

нянька доставила Любу к замужней сестре ее, Марьице Кашниковой.

Марьица поплакала, погоревала, сестренку оставила у себя, а муж ее, обсудив дело, решил, что с честью нужно похоронить родителей, а дело с окуневским приказчиком и заводить нечего — не им, Кашниковым, его осилить: боярин приказчика не выдаст. Не впервой ведь такое дело делается. Дай Бог только вотчину получить кашашевскую.

Кашников со всякою опаскою похоронил убитых и радовался, что не встретилось никакого затруднения в получении разоренного имения. Он был небогат, и новый доход был ему на руку. О свояченице, конечно, он не подумал, да и Марьица не много внимания на сестру обращала.

Сначала Кашниковы ждали, что умрет девочка — так она была напутана, с полгода дрожью дрожала, припадки с ней были странные, но здоровая натура взяла свое: Люба поправилась, только не на веселое житье, не на радость. Старая любимая нянька, единственное существо к ней ласковое, скоро отдала Богу душу.

Сестра Марьица заботилась только о своих детях, да и Любу заставляла их нянчить и строго взыскивала за нерадение.

Одно только путное, что вынесла девочка из кашниковского дома, это знание грамоты; Кузьма Кашников в свободное время, от нечего делать и видя необыкновенную понятливость свояченицы, обучал ее чтению, хотя Марьица и восстала на эту прихоть мужа: сама она, как и все почти женщины того времени, была безграмотна...

Люба вышла девочка смышленная, но какая-то дикая; она рано привыкла уходить в себя, беседовать с собою. Ее память удерживала все, все разговоры, которые она слышала. Ее природная любознательность не проходила равнодушно мимо явлений, вокруг нее совершавшихся.

После трудного, часто обидного для нее дня, в тихий вечерний час, когда ей, наконец, возможно было улечься на холодной и неряшливо устроенной постели, она долго не засыпала, все думала да передумывала, разбирала своим детским разумом то одно, то другое.

Кашников удивлялся ее понятливости, но он и вообразить себе не мог, как много она уже знала, несмотря на свой возраст.

Она отлично понимала, что отец и мать ее невинно убиты и что их убийцы остались безнаказанными. Она знала, что их родовое имение перешло в собственность Кашникова и ее сестры, а она, Люба, ничего из него не видит и, конечно, у нее ничего нету, так как сестра и зять не раз уже попрекали ее тем, что ее даром поят и кормят, не раз уже толковали между собою о том, что нужно бы от нее избавиться, отдать ее в чужие люди.

— Как же это так? — рассуждала сама с собою сиротка. — Как же это? Ведь Марьица сестра мне, я была такая же, как и она, дочь у отца с матерью, все, что у них было, — ее и мое, а у меня, выходит, ничего нет — что же это значит?

Но не одни подобные вопросы занимали ее; многое, многое казалось ей непонятным и странным. Почему Кашников все может, сестрица Марьица может гора-

здо меньше, а она, Люба, ничего не может? Почему, когда приезжают к хозяину гости, Марьица и все женщины сейчас же убегают и запираются в своих покоях? Почему им зазорно попадаться на глаза мужчин?

Чем больше вырастала и развивалась Люба, тем эти вопросы становились все навязчивее и навязчивее. Она даже попробовала было расспросить кое о чем Марьицу, но та, как услышала, выкатила на нее глаза, долго не понимала, что это она такое спрашивает, а когда поняла, только всего и ответила, что назвала ее душой.

У Кашникова же Люба ничего и не спрашивала. Она знала, что вместо всякого ответа получит колотушку — зять ее был тяжел на руку и никому не давал спуска, особенно бабам. Марьица частенько ходила с «фонарями» то под одним, то под другим глазом.

К Перхуловым Люба переселилась, не решив ни одного из своих вопросов и только окончательно убедившись, что во всем Божьем мире нет у нее близкого человека, нет даже сродников, потому что Кашников да Марьица — что это за сродники, если ее, свою близкую и родную, как щенка негодного, из дома вышвырнули? Положим, прощаясь с нею, Марьица плакала и причитала, повисла у нее на шее и ныла: «На кого ты нас покидаешь, золотая сестрица Любушка!» Но ведь не далее как накануне Люба своими ушами слышала, как Кашников с женою толковали и радовались своему избавлению от лишнего рта в доме.

Любина жизнь у Перхуловых, конечно, не могла весело настроить ее мысли: здесь ей было еще хуже, чем у сестры. Здесь она уже окончательно превратилась в холопку. Здесь еще более разных новых, му-

чительных и неразрешимых вопросов приходило ей в голову. То, что видела она в маленькой усадьбе зятя, то еще ярче било в глаза в большом богатом перхуловском доме. Замкнутость и уединенность женской жизни продолжали смущать Любу.

Сгорая желанием узнать все, что делается на свете, так или иначе решать всякие вопросы, Люба нередко подсматривала и подслушивала на мужской половине. Бывало у Перхулова соберутся гости, пойдет угощение да бражничанье. Люба заберется в темный угол, где трудно отыскать ее и откуда она может все слышать. И жадно, чутко она слушает, очень многого не понимает, но все же слушает. Часто говорят что-то чудное, поминают Москву, царя.

Тут перед Любой является длинная вереница всевозможных картин, представлений. Иногда из какой-нибудь одной фразы для Любы нарисуетя нечто большое, цельное и фантастическое.

Часто прислушиваясь к беседам на мужской половине, Люба кончила тем, что представила себе, совершенно по-своему, но в то же время определенно и ясно, волшебную жизнь, которая идет там, в Москве, в царских палатах. И она полюбила эту жизнь, она о ней грезила.

Пробовала она иногда заговорить про свои грезы с боярынями Лизаветой и Домной, но те не находили во всем этом ничего интересного.

Они с утра до вечера заботились только о том, как бы побольше поспать, плотнее поесть, получше разрядиться и расписать свое лицо.

Домна Ивановна была худа от природы, и мать нередко говаривала ей, что если она не поправится,

не потолстеет, так будущий муж любить ее не будет. От таких слов Домна Ивановна часто по целым часам плакала и наконец решилась потолстеть во что бы то ни стало. Для этого, конечно, было одно только средство — побольше есть и побольше спать. И семнадцатилетняя девушка только и делала, что валялась на пуховой постели да ела пироги и всякую всячину.

Идеал женской красоты того времени заключался в том, чтобы не походить на себя, чтобы не оставить в лице своем ничего природного и естественного. В песне, в старой русской песне, пелось про красную девицу, что у нее было:

*Белое лицо, как бы белой снег,
Ягодицы (на щеках), как бы маков цвет,
Черные брови, как соболи,
Будто колесом брови проведены,
Ясные очи, как бы у сокола...
Она ростом-то высокая,
У ней кровь-то в лице, словно белого зайца,
А и ручки беленьки, пальчики тоненьки...
Ходит она, словно лебедушка,
Глазом глянет, словно ясный день...*

И вот каждая женщина желала быть такою, какова героиня песни. Для этого на все лицо накладывали белила, середину щеки красили в яркую краску, брови колесом выводили сажею, а в глаза, для пущего блеска, впускали тоже особенную краску. Красили в черный цвет и зубы, для того чтоб ярче выделялась белизна лица. И все это делалось без малейшего искусства, так что женщина выходила после своей косметической работы совсем не живым существом, а какую-то плохо размалеванной куклой; зато издали, в полусвете, вся-

кая дурнушка казалась красавицей: черты лица сливались, неправильности их исчезали, оставалась только яркость сочетания черной, белой и красной красок да фосфорический странный блеск глаз.

Дочери Перхулова, Лизавета Ивановна да Домна Ивановна, обе почти сверстницы Любы, взяли ее к себе и делали большое различие между нею и своими холопками: не давали ей черной работы.

Вся ее обязанность заключалась в том, чтобы быть их подружкой, убирать им головы, белить их да румянить, сурьмить брови, петь вместе песни разные, забавлять их чем умеет.

Конечно, на долю Любы доставались иной раз щипки и колотушки, на которые она должна была отвечать только почтительным молчанием. Но ведь как же иначе и могло быть? Все же она не боярышня, а человек подначальный.

Первые годы и жила себе Люба — не жаловалась, исполняла все, что приказывали: разрисовывала своих молодых госпож, как только умела; пела, пока в горле не пересыхало; на щипки и колотушки отмалчивалась; только иногда в темном своему углу позволяла себе поплакать. Но к концу второго года что-то странное сотворилось с Любой, будто бес засел в нее — больно много стала она давать себе воли.

Перхуловские боярышни, почитай, каждый день, приходили на нее жаловаться матери: то не исполнит их приказу, то грубо ответит, на брань сама бранится, на щипки отщипывается. И не совладать с ней боярышням — в два года переросла она их чуть не головою. Высокая, статная да крепкая; лицо — кровь с молоком; брови черные, глаза с поволокою; ни белил, ни